

Епископ Михаил (Семенов)

АПОЛОГИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Эта «апология» не есть система защиты старообрядчества. Едва ли в таких системах есть нужда после работ еп. Арсения, еп. Иннокентия, Кл. Анф. Перетрухина. Настоящие статьи касаются только тех сторон вопроса, которые в чем-нибудь допускают новое освещение или старое с новой хоть в чем-нибудь аргументацией.

* * *

Почему отделились?.. Зачем ушли?..

Вот первый вопрос, какой задается старообрядцам. Ответ на это канонический, т.е. формальный, дает, как известно, толкование на 3 прав. свв. апостол и 15 прав. Первовторого собора: «Аще неции отступят от некоего епископа не греховного ради извета, но за ересь — от собора или от свв. отец неведому сушу, таковии чести и приятия достойни суть, яко правовернии» (прав. 15). Если епископ повинен в ереси, можно и должно оставить его — *уйти*.

Впрочем, эта истина понята и сама собой: само собою разумеется, что нельзя оставаться в единении с пастырем, способным не пасти, а растлить стадо.

Но вот вопрос: могли ли обвинить в ереси старообрядцы церковь Никона, от которой они «отошли»?

Ответ не старообрядца, только защищающего свое «упование», а просто безпристрастного человека должен быть такой: да, могли.

Еретические заблуждения Никона и соборов 1656, 1666- 67 годов очевидны и ясны.

И прежде всего «ересь» — их отношение к старому обряду. Уже и православные последнего времени стали понимать, что обряд — далеко не безразличная или маловажная вещь. Он — оболочка, одежда догмы.

«Православный» профессор Ключевский хорошо вскрыл истинное отношение наших предков к обряду.

Так называемое обрядоверие, рабство обряду и букве, — это миф, выдумка.

Предки наши держались за обряд крепко, но потому, что чувствовали его большую неизмеримую цену.

Поднят вопрос: двоить или троить «божественную аллилуию»? Наши предки идут на восток за справками. Какими? Только узнать: сугубить или трегубить аллилуию? Нет, чтобы узнать «тайну божественной аллилуии», т.е. смысл «возглашения», скрытую в повторении возгласа (двукратном и троекратном) мысль.

Какое же тут обрядоверие? Обряды для наших предков, по Ключевскому, — наглядная запись догматической истины... Персты сложены для крестного знамения, и здесь целый символ веры, сокращенное изложение целого исповедания.

И неужели не естественно стремление всячески сберечь такой обряд-символ? Можно бояться, что с повреждением его (обряда) пошатнется, *может повредиться* одетая этой святой оболочкой истина веры.

Скажем яснее...

Можно изменить символ никео-цареградский?

Нет... На это есть прямой запрет собора.

Но почему — разве символ «*догмат*»?

Нет, как изложение веры, он только содержит догму — «*облекает ее*».

Однако он неизменяем в целях спасительной осторожности, дабы перемена буквы, слововыражения не повлекла искажения веры.

На такой точке зрения и стояли наши предки, и их двуперстие и другие обряды были *символами веры*, подлежащими верному хранению во имя правды церковной.

Никон встал на другую точку зрения: свою волю, больше — каприз, прихоть, он поставил выше церковной осторожности, благоговейного уважения к обряду. Но как охарактеризовать иначе, если не словом «ересь», это отношение к преданию?

Здесь мы имеем дело с отрицанием авторитета предания, авторитета церковного прошлого, то есть иначе *отрицанием Церкви*.

А это — «ересь» и, несомненно, ересь.

Вы скажите: «Но за символом веры стоял вселенский собор, а за обрядами, отмененными Никоном, не стоит собора».

Как? А «Стоглавый»... Он не вселенский, но ведь авторитет его все же есть авторитет Церкви — высший, чем Никон и его собор.

Недаром апологеты государственной церкви старались доказать неподлинность «Стоглава».

Они понимали, что отрицание его авторитета не может быть ничем оправдано...

Так обращаться с собором, со старым преданием Церкви, ясно значит не ценить самой идеи Церкви, сильной именно благоговейной связью наличного сознания верующих с церковным сознанием прошлого, *сильной любовью к прошлому*.

Но мало и этого... Неосторожная, пренебрежительная по отношению к Церкви отмена старого обряда без нужды, без цели, по прихоти, естественно, заставляла думать и положительно: «А не скрывается ли за реформами Никона и ересь?»

Возьмем перстосложение для крестного знамения. Известно, что именно с этим обрядом как символом особенно легко может быть связано новшество в области веры, ересь... Известно, что заблуждение единовольничества отразилось на перстосложении, несторианстве тоже.

Отчего не заподозрить, что у Никона была и «мысль» неправославная, потому что иначе нет осмысленности в его реформе? Даже «православные» признают, например, что двуперстие глубже, осмысленнее троеперстия.

Вот, например, что говорит один «православный» о двоеперстии: «Скажите, — спрашивает он одного иерея, — вы согласились бы креститься двуперстно? Ведь вы знаете, что для старообрядца двуперстие — необходимый признак правого исповедания; если вы пойдете к старообрядцам, то они прежде всего потребуют от вас этого...»

— Да, согласился бы... Знаете, я в обряде двуперстия вижу больше последовательности богословской мысли, чем в троеперстии. Христианами мы называемся по имени Христа. С именем Христа неразрывно связано в нашем сознании представление и о кресте, образ которого мы на себе знаменуем. Сложите пальцы «двуперстно», по старообрядчески, и вы увидите, что простертый указательный палец и «согбенный» великосредний изображают собою две начальные буквы имени Христа: «IC». Эти два пальца, ясно изображающие имя Того, в честь Кого мы крестились, возносятся на чело, и ими начертывается знак нашего спасения — крест. Разве этот обряд не говорит нам о том, что Иисус Христос был вознесен на крест и распят? Разве полагающий на себя знамя креста не показывает тем самым своей готовности распять ради Христа плоть свою со страстями и похотями, взять крест и идти вслед Иисуса Христа? Какой другой обряд полнее показывает всю сущность христианской религии и морали? Такой полноты впечатления не получается от троеперстия, когда мы в честь Святой Троицы складываем персты и несем их на чело... Троица не распиналась на кресте, а распиналось Едино от Лиц Ея, что опять-таки в двуперстии прекрасно выражается сложением трех перстов той же единой руки, но перстов, на чело не возлагаемых, а как бы лишь свидетельствующих своим присутствием возложение первых двух...» (*К Свету*, журн.).

Это и очевидно. Должно было быть очевидно и Никону. Следовательно, отчего не предположить у Никона еретического мудрования, раз он отменяет обряд «кристальной ясности и чистоты»?

Мы знаем, что, например, «православный» епископ Антоний волинский проповедует о Троице учение *явно еретическое* — тринитарное (см. его «Разговор с мусульманином о

догме Св. Троицы»). И впал он в ересь, так сказать, нечаянно, увлекшись раскрытием нравственного смысла и оперируя над ним недостаточно осторожно.

Если Никон по отношению к догмату Троицы даже и не впал в прямую ложь понимания, в ересь, то он был близок к ней бесцеремонно игнорируя голос народа и древности. Был близок потому, что новое перстосложение требовало разъяснения, толкования, а для этого разъяснения грубая душа Никона, церковно невоспитанная, некультурная, настолько мало была подготовлена, что сыны Церкви должны были остановить его, сказать ему: «Стой, ты около опасности — не иди дальше...»

Но продолжим свою мысль.

Более очевидная и бесспорная ересь Никона — разрушение и отрицание идеи Церкви — еще по другой ее стороне.

Церковь, с одной стороны, жива постоянным союзом с Церковью прошлых веков, союзом в единстве обряда, в единстве молитвенном и т.д.

Мы видели, что это условие живой жизни в Церкви Никон отверг.

Но, кроме этого: Церковь жива тесной связью иерархии и народа.

В книге государственной церкви «Послания восточных патриархов» сказано, что православие не знает резкого *католического* отделения церкви учащей (священства) от народа.

«Хранитель правой веры есть весь церковный народ.»

Такого взгляда всегда держалась и вселенская Церковь.

Церковь — живой организм, объединяющий народ с папством в един народ Господень, вместе идущий ко спасению.

Никон явно отрицал этот догмат.

Он не только изгнал из Церкви народ, поставив на первый план догмат непогрешимой иерархии, держащий истину веры в каком-то чудесном ящике, ключ от которого в ее власти, но был близок к догме чистого папизма — к воплощению идеи Церкви в его лице, в лице единого главы Церкви.

Никон в то же время был склонен облечь себя и священство и светской властью, т. е. не ушел даже от искушения сблизить власть духовную — крест — с государственной, с государственным мечом: искушения, которое обязательно растлевает самую сущность Церкви.

Он был склонен быть «великим государем», а это значит, что он уничтожил священство в его святейшей миссии быть последним слугою чужих душ и чужих нужд.

Наконец, жестокость и безжалостность в отношении к людям — народу церковному — я считаю это тяжкой ересью человеконенавистничества, того самого, в каком был повинен Люцифер и новациане, все еретики, необвеянные духом Христова снисхождения — миролюбия, любви.

Пусть даже для этой ереси не найдется имени, для нее подойдет одно старое имя — *антихристианство*.

Люди чтят старый обряд. Для них он освящен и тем, что с этим обрядом жили и умирали их отцы и деды, и тем, что с ним спасались святые угодники.

Старый обряд — это святые ступени, по которым миллионы взойшли к Богу... Это святые останки святого прошлого, дорогие, как могилка матери, отца. И вот если людей, которые цепляются за эти святые реликвии, грубо гонят, а их святыни назло, нарочно кидают в грязь, то может ли быть какое-нибудь сомнение в том, что эти насильники — *не христиане*.

Я разумею *клятвы* на обряд, издевательство над старым обрядом, нежелание понять, насколько дороги должны быть для всякого эти реликвии.

Пусть бы в церкви не было никаких заблуждений и только эта безжалостность, — я сказал бы: из такой церкви нужно уйти.

В церкви, которая рубит на дрова кресты на кладбищах, на могилке моей матери, нет Бога, нет Христа.

А в придачу еще положительная жестокость, насилие по отношению к сторонникам старого обряда.

Эти старообрядцы, замороженные в виде ледяных статуй на архиерейских дворах, сожженные в срубках, лишенные языка...

Разве не ересь эти насилия, которые нашли себе такое страшное выражение в признании патриарха Иоакима — «мы-де тех, кто нас хулит, *сожигаем*» — или в заключении «Камня Веры», что «еретикам полезно есть умерети, что для них несть иного врачевания паче смерти»?

Возможно, что для этой ереси опять нет имени, но это не мешает ей быть ересью, искажением святого Евангелия, из-за которого когда то св. Мартин Турский разорвал общение с епископом Идацием и его сторонниками.

Но пока довольно. Я утверждаю, что отделиться от церкви Никона во имя самосохранения должны были все христиане, которые дорожат своей душой, ее спасением.

* * *

— Но, отделившись, вы очутились вне Церкви, остались без епископа... А «без епископа Церковь не может быти». (Мар. 154).

«Без епископа Церковь несть избранна ниже собрание святое».

«Елицы уклоняются от епископа и собрание любят с проклятыми, сии с ними и посекутся» (св. Игнатий).

«Кто не с епископом, тот и не в Церкви» (154 письмо св. Киприана).

— Да! Знаете, это утверждение, что, если нет епископов, нет и Церкви, прежде всего кажется мне попросту «атеистическим».

Оно держится прежде всего на отрицании настоящей идеи Церкви.

Что такое Церковь?

Раскрывая апостольское определение Церкви как тела Христова, мы, по всему вышесказанному, должны выразить его приблизительно следующим образом: Церковь есть богочеловеческий организм, возглавляемый Самим Господом Иисусом Христом и одушевляемый Святым Духом; Самим же Господом, по воле Бога Отца, основанный и управляемый (даже и в земной части Церкви, имеющей богоустановленную священноиерархию) и состоящий из всех на небе и на земле верующих, стремящихся к вечной жизни во блаженном единении с Троициным Богом, а в Нем — и между собою.

В более краткой формуле то же самое может быть выражено следующим образом.

«Церковь есть таинственное и животворное — во единое тело, возглавляемое Господом Иисусом Христом и одушевляемое Святым Духом, — соединение как духов бесплотных и отшедших к Богу праведников, так и пребывающих еще на земле христиан, содержащих правую Христову веру и неизменно сохраняющих установления Господни». (Аквилонов. «Церковь...», стр. 254).

Но если так, то как и когда Церковь может стать без епископа, если у нее постоянно есть епископство в Церкви Небесной... Разве епископы, прежде жившие, мертвы, разве они не близки к нашей Церкви?

В повествовании о житии св. Николы Чудотворца Богоматерь возвращает святителю взятый у него в знак извержения из сана омофор.

Но этот омофор всегда может и мог Господь дать Церкви Своей, если бы, например, близко было к оскудению священство и таинство.

Церковь всегда с епископами.

На этом, между прочим, держится и держалось право православной общины принимать епископов от ереси.

Правая Церковь имеет епископов *над собой*.

— Но вы забываете, что свв. отцы говорили о епископах на земле, а не на небе?

— Пожалуйста, дайте договорить... Я своей ссылкой хочу сказать только, что наше лишение епископства было так же *местным в известном смысле*, как вдовство церкви Карфагенской или Иппонской и иных многих.

А что касается ваших текстов, то, я уверен, вы и сами не думаете, что ваши слова имеют силу.

Вы хорошо понимаете, что слова, например св. Иоанна Златоуста, говорят вовсе не о вселенской Церкви, а о местной епархиальной церкви.

Св. Симеон, св. Игнатий опять говорят о необходимости быть в пределах местной церкви в единении с православным епископом, о важности епископского сана и т.д.

— Ну... Но если поместная церковь не может быть без епископа, тем более — вселенская.

— Слышали мы эти речи... Но подумайте... Ведь все-таки поместные-то церкви без епископа были? Были случаи, когда они вдовствовали по десяткам лет. Были случаи, когда целый край десятки лет был расхищаем волками, так что паства не только не имела православного епископа, но вынуждена была принимать священников и даже епископов от ариан.

Что же, в это время эти церкви были трупом, христиане даже не были христианами?

Значит, слова св. Игнатия или Симеона. не имеют безусловного неограниченного смысла... Святые говорят только следующее: без епископа Церкви быть не хорошо.

Она не полна, не благоуукрашена. А если его иметь есть возможность, и христиане не имеют, то они идут против воли Божией...

Но ведь этих мыслей мы не отвергаем. Мы так же думаем.

В Церкви епископство необходимо, но волею Божиею церкви могут быть лишены временно епископства, причем, конечно, это должно было чувствоваться оскудевшей церковью как лишение, несчастье, потому что без епископства Церкви быть нельзя, не приличествует.

Зачем Господь попускал его? Конечно, в целях воспитания или наказания... Несомненно, что если Господь посылал бури на Церковь, то в целях ее же блага, для того, чтобы очистить Церковь от проникавшей порчи... Пути Господни неведомы.

Но, однако, факт остается фактом: целые области были *вынуждены* окормляться епископством и священством от еретиков.

Мне не хочется повторять то, что писалось уже много раз. В толковании на пророка Осию пишется: «Понеже Господь различными образы управляет Церковь свою в мире сем, иногда аки во гроб затворяя оную, иногда аки от смерти возставляя, иногда аки древо до корене посекая (что касается до внешнего вида), иногда паки возустроя: убо блюстися подобает, да не судим о том по чувствам нашим и плотському мудрованию, еже Господь провещевает о управлении Церкви Своея. Ибо спасение ея часто бывает сокрыто от умов и очес человеческих. Господь не привязывает Себя к человеческим средствам, ниже к обыкновенному порядку природы, но хочет силою Своею превышать все то, что не воображают человеческие умы» (Толкование архиеп. Ириней на 10 стих 1 главы пророка Осии, по текстам еврейскому и греческому).

Св. Амвросий Медиоланский Церковь сравнивает с луною, которая по временам исчезает, но остается неизчезнушею: затмиться она может, но не исчезнуть (Объяснение Федора Яковлева на Апокалипсис, гл. XX, стих 10).

Петр Хрисолог: «Малый кораблец Христов (Церковь) иногда возносится к небу, иногда опускается в бездну, иногда Христовою управляется силою, иногда колеблется страхом, иногда покрывается волнами страстей, иногда выплывает на веслах исповедания» (ч. I, гл. XIX. М. 1860).

И если мы посмотрим на историю Церкви, то увидим, как глубоко и сильно иногда заливают волнами корабль церковный.

Я укажу на время хотя бы VI вселенского собора.

В самых деяниях собора есть указание на то, как глубоко и сильно было повреждение.

«Епископы мешают вино с водой... Вместо чистого хлеба дают смешанный с мякиной», читаем в деяниях собора.

И мы знаем времена, когда в сущности почти весь мир нужно было считать еретическим.

Известно, например, показание Феатрона (л. 136). Здесь указано, что в одно время все патриархи оказались в ереси.

Следовательно, если были православные епископы, то только состоявшие, так сказать, в расколе, в неподчинении своим старейшинам.

А время арианства?

«Весь мир был глубоко огорчен (после одного собора) и изумился, увидев себя арианским, — пишет блаж. Иероним. — Вследствие этого одни остались в общении только со своею паствою, другие стали вести переписку с теми исповедниками, которые были сосланы в ссылку по делу Афанасия; некоторые с отчаянием оплакивали начавшийся было лучший союз. А немногие, как это уже свойственно людям, защищали заблуждение с умыслом. Кораблик апостолов был в опасности; носили его ветры, в бока его били волны; не осталось уже надежды... Но пробуждается Господь, повелевает буре, умирает зверь, тишина восстанавливается. Скажу яснее. Все епископы, лишённые своих кафедр, благодаря снисходительности нового императора, возвращаются к церквам. В то время Египет принял к себе снова своего победоносца Афанасия; церковь галльская заключила в свои объятия возвращающегося со сражения Илария; по случаю возвращения Евсевия сбросила траурные одежды Италия» (Творения Блаж. Иеронима Стридонского. Киев, 1880, ч. IV, стр. 78, 84).

Представьте положение Церкви в это время.

Оказались православными три епископа, но они были в изгнании, они не правили епархиями. Следовательно, кафедры всего мира оказались павшими.

Характерно, что даже православные по мысли не сумели сохранить правого исповедания и оказались с еретиками.

Разве это не большое поколебание Церкви, конечно внешнее?

Или еще... Во время иконоборческого собора 338 епископов единогласно подписали неправославные определения.

Император рассылал деяния собора для подписи не бывшим епископам.

И — говорит «Церковная история» Робертсона, — не видно, чтобы кто из епископов *отказался*. (с. 617, 618).

Значит, весь Восток оказался в ереси.

Что же касается Запада, то события, совершавшиеся здесь, — ереси Адельберта и Климента, поддерживаемые в конце концов и папою, наконец, деятельность папы Стефана в борьбе за мирскую власть — делали Запад сомнительной опорой колеблющейся Церкви.

Скажут нам: но не все же епископы пали... Как видите, в некоторых случаях трудно даже сказать, не все ли.

Но пусть два-три епископа, неведомых и в неведомом месте, оставались; разве допущение такого оскудения не было крайним испытанием Церкви?

Разве душевное положение тех многих церквей, которые были без епископа, не представляло для них опасности? Разве Церковь правоверующая, окруженная со всех сторон еретическими епископиями, вынужденная брать от еретиков священство и епископство, не должна была чувствовать себя сирой и брошенной, не подвергалась тяжкой опасности отчаяния? Но Господь, однако, попускает такое испытание.

Да и в чем разница между лишением епископства в известной местности и повсеместным лишением епископства православной Церкви на время если это лишение не соединялось с потерей таинств?

В обоих случаях — испытание, не лишаящее спасения, не лишаящее Церковь возможности жить, тяжелое для духовного роста бремя.

Однако не гибель...

Миссионеры государственной церкви кружатся всегда около мысли оневозможности падения всех епископов.

Но где и на чем держится эта мысль?

На том, что Господь обещал пребывать с епископами до скончания века.

Но толкование, что Господь обещал быть именно «с епископами», произвольно, ложно, с католической закваской. Он обещал быть с Церковью, то есть со всем «союзом верных».

Впрочем, скажу одно, мы вовсе не считаем нужным очень бороться с миссионерской мыслью. Она им все равно ничего не дает и развалин их церкви не спасет.

Вот еще соображение, которое высказываю я не первый. Предупреждаю, что я не придаю ему какого-нибудь чрезвычайного значения.

Мы считаем, что, по воспитательным Своим планам, Господь мог отнять и все епископство.

Утверждаю, что до тех пор, пока Господь собственной десницей не указал на то, что «время пришло», и рука епископа снова будет править Церковью своею, нам не было нужды искать епископа.

Мы, повторяем, знали, что у нас есть пребывающее епископство среди святых.

Мы знали, что если Господь захочет отнять Свою испытующую руку, Он с неба сбросит омофор епископский. Но все-таки... Мы — и вы, пожалуй, — не смеем и утверждать, что епископства не было между 1667 и 1846 годами.

И Илия-пророк думал, что весь Израиль пал, и, однако, ему было открыто Господом, что еще 7000 не преклонили колен перед Ваалом.

Мы знаем, что епископства правого не было в России: русская иерархия явно заявила себя неправой. Не было его у греков, присоединившихся к делу русской церкви (проклятию святого обряда): они разделили болезнь русской Церкви.

А где-нибудь еще?.. Может быть, было... Мы не обладаем всеведением по человеческим своим познаниям, а Господь Бог, конечно, не мог открыть нам тайну судеб Своих, раз в Его Божественных целях было понудить нас, скорбным путем временного лишения епископства, к изменению путей нашей греховной жизни. Теперь мы не знаем православного, но вот зададим вам такой вопрос:

В «Церковном Вестнике» (1876, № 3) напечатано сообщение, что по Персидскому заливу уцелели остатки церкви, сохранившей правое исповедание. Не смеем не верить органу, считающемуся синодом официальным.

Итак, церкви православные были.

Как известно, есть много разветвлений коптской церкви... До сих пор их обряд древнейший из всех. Они свято хранят свв. посты, предания древности. Их богослужение истово, уставно, по установлениям древней Церкви.

Но в догме они пали. Они — монофизиты. Однако, опять, когда? Давно ли?

До собора при Аксуме, при негусе Иоанне II было живо и православное предание. Только после этого собора представители побежденного православного течения «бежали в горы». Может быть, даже доселе православные там есть.

Допустим даже, что и эта церковь была не вполне чиста. Не имеем ли мы право предположить, что она была *еще где?*

Что Вы скажите на это?..

Повторяю, я не считаю то или другое решение существенным для судеб нашего упования, однако все ваши-то рассуждения о епископстве едва ли не оказываются праздны.

— Пусть православная Церковь была, но ведь вы-то не от нее восстановили епископство, а от еретической?

— Да, конечно, и иначе не могло быть. Именно получение епископа от сохранившейся где-либо правой Церкви было недостаточно для нашей Церкви. Такое восстановление было бы знаменованием только того, что в Церкви начинается полная и

совершенная жизнь. Но возникал вопрос: а прошлая-то жизнь была ли правильной? Теперь-то стало хорошо, но отцы-то и деды не погибли ли в Церкви несовершенной?

Господу было угодно возжечь огонь епископства, так сказать, из среды самой нашей Церкви, чтобы показать, что Его милость не была отнята и от лишенной епископства церкви. В ней не угасла полнота силы и благодати. Привлечение епископа в Церковь внутренней силой этой Церкви и указывало именно на то, что благодать, полнота сил всегда жива была в ней, что она была полной и святой.

Что же касается того, что епископство произошло от еретиков, то что вы имеете против св. Мелетия Антиохийского, например?

Но как может наша Церковь без епископа принять епископа? Об этом сейчас скажем.

* * *

Начну маленьким дополнением к первой статье.

Неожиданно получил я два странных возражения.

Мне указывали, будто я допустил в своей статье две непозволительные ошибки.

«Феатрон» будто бы пишет об одновременном падении всех патриархов по своему историческому невежеству, а VI собор не писал того, что я ему приписываю. Вынужден дополнить свою речь.

О неправильном будто утверждении «Феатрона» не раз говорили миссионеры. Несмотря на это, правда все-таки на стороне «Феатрона», а не миссионеров.

Я укажу, полагаю, непререкаемое свидетельство VI вселенского собора.

Он признал отлученными Гонория Римского, Кира Александрийского, Сергия, Пирра, Павла и Петра Константинопольских и Макария Антиохийского, т.е. именно *всех* патриархов, одновременно управлявших тогда церковью. Иеросалимского временно не было (Neander, Церк. ист., III т., с. 248-257).

Что касается другого свидетельства VI собора, то оно ярче, чем приведено у меня.

«Иерархи сделались ересиархами, — читаем в деяниях собора, — и вместо мира возвещали народу распрю, сеяли на церковной ниве вместо пшеницы плевелы, вино мешалось с водою, и поили ближнего мутною смесью» (Деян. Всел. соб. VI, с.546, по изд. Каз. дух. акад.).

Перехожу к вопросу: как старообрядцы, не имея епископа, могли принять епископа?

В таком вопросе, нередко предлагаемом миссионерами, кроме простого для всякого простецы, ясного недоразумения — скрыто серьезное догматическое ложное и крупное каноническое невежество.

Могли старообрядцы без епископского сана принять епископа?

Скажу простым примером.

Допустим, что Мелетий, позже великий светильник веры, смертельно болен. Он хочет в тяжелой болезни приобщиться святых тайн.

Но где и как?

Кругом ариане, — все епископы кругом поражены этим ядом. Не ему одному кажется, что «весь мир стал аринским». Это почти факт. И он сам тоже *пока еще арианин*. Но сердце ведет его к покаянию в истинной правой Церкви... Он знает, что только там истина.

Он идет к священнику и ищет у него святого утешения святыми тайнами. Он пошел бы, конечно, к епископу с просьбой братски принять его, но епископа, мы сказали, нет кругом... Нет в данной церкви, нет даже в соседних церквях.

Мир стал арианским.

И он вынужден обратиться к ближайшему священнику.

Смеет ли этот священник, может ли отказать в последнем утешении?

Конечно, нет.

Преподать святыя тайны он не может только.

Он *должен*. Если бы отказал, на нем была бы предсмертная тоска и, может быть, гибель кающейся души.

Но ведь епископ может и выздороветь даже силою самого таинства.

Кто встанет с одра болезни: мирянин или епископ?

Всем ясно, что — это епископ, потому что он вышел из ереси, в которой иерархи не теряют при воссоединении своего иерархического сана.

— Не теряют, если приняты особым чиноприемом и через епископа, — упрямо будет повторять «*православный*».

Но скажите рады Бога, разве чиноприем епископа есть замена повторения таинства, разве не в самом факте принятия, а в каких-нибудь *специальных частностях* приема, совершаемого епископом, давалась власть благодати священства?

Нет сомнения вы этого не скажете.

Не скажите, что прием есть вид повторения хиротонии.

Благодать есть благодать, и *снятие осуждения за ересь и разрешение грехов* с таинствами покаяния и причащения, *очевидно развязывают эту благодать*.

Если епископы и имели значение при приеме епископа от ереси, сохраняющей силу таинств, то в смысле определения принятого на *определенную кафедру*, а не в смысле признания или отрицания за ними силы благодатного совершения таинств.

Но в определении на кафедру имеет значение и народ.

Во время арианских волнений о некоторых из епископов, повинных в уклонении к арианам, было решено, что их можно оставить на кафедрах.

Но если народ не хочет их — пусть рукоположатся другие (Прав. 2 Феофила Александр.)!

Значит, если не примет народ, — они становятся мирянами?

Конечно, нет. И народ (заметьте, народ!) иногда принимал рукоположенных арианами (св. Мелетия) и отвергал поставленных «православными».

Но перейдем к более научной аргументации.

Вся миссионерская полемика держалась всегда и держится на католическом принципе, будто вся сумма церковной жизни и церковной власти в епископстве.

Но мы уже видели, что такое понимание сути Церкви и церковного строения явно ложно. Носитель церковного благочестия и хранитель веры — народ церковный. Он — не раб в Церкви, а творец, созидаящий в Церкви ее «живую жизнь».

«Уши народа святее, чем уста иерархов» (Иларий Пиктавийский, «Против Авксентия», гл.б).

И тот же писатель говорил, что *суд народа* многих епископов удержал от ереси.

По словам Августина, церковь осуждает иерархов, частью через *авторитет соборов*, частью *судом народа* («О пользе веры»).

И по учению самой государственной церкви в некатолических ее представителях, даже соборы вселенские, в конце концов, признавались в своем достоинстве судом церковного народа.

На соборе в Римини — 400 западных епископов и на соборе в Селевкии — 200 восточных подписали арианское исповедание и осудили учение св. Афанасия.

Однако *православные* не признали Афанасия еретиком, а отторглись от своих «канонических вождей» как от волков.

И кто не знает, как крепко держался народ александрийский за своего осужденного (Антиохийским и потом Медиоланским соборам) пастыря в 342 и 356 годах!

Их уверяют, что Афанасий — еретик, что он осужден всею Церковью, что «*собор не мог ошибаться*» — народ, однако, признавал его *православным* и, следовательно, *своим епископом*.

Когда был осужден св. Иоанн Златоуст, истинные христиане держались за осужденного. Они даже «в бане» устроили свою церковь (как некогда наши предки), и здесь, вопреки суду собора, спасались с низложенным великим иерархом.

Что такое сделали они? Ведь это был бунт. Да, они возмутились против неправого собора и посмели принять осужденного.

Но если у них есть сила и власть *проверять епископский суд*, то не ясно ли отсюда, что они имеют право и признавать пришедшего к ним и от ереси епископа...

Что значит принять еретика?

Это значит только признать его *православным* в его новом исповедании, в том, с каким он приходит к Церкви.

Имеет ли право народ вынести по этому вопросу свой приговор?

Вопрос уже лишней. На него ответили все ранее собранные факты. Но, пожалуй, вот еще один.

Викентий Лиринейский в своем «Commonitorium» восхваляет бдительность жителей Срема в Паннонии по отношению к епископу своему Фотину, исподволь сделавшемуся ересиархом и пытавшемуся испытывать, соблазнять (*tentasse*) церковь сремскую, «Всеобщую любовью возведен он был в епископство и некоторое время управлял церковью как православный (*catholicus*), но внезапно, подобно злему пророку или мечтателю (*somniator*), о котором говорит Моисей, начал убеждать вверенный ему народ Божий следовать чужим богам, т.е. внешним заблуждениям, которых прежде не ведал он. Но это еще дело обыкновенное. Опасность заключалась в том, что действовал он не обыкновенными средствами, ибо он обладал и силою ума, и богатством знания, и речью искусной и убедительной... Но *хорошо то*, что вверенные ему овцы Христовы, *много будучи бдительны* о вере православной, тщательно вспоминали о совете Моисеевом и, изумляясь красноречию своего пророка и пастыря, не оставляли без внимания и его искушений. Следуя прежде за ним, как овцы за вожаком своим, стали они избегать его, словно волка» (*Commonitorium*, с. XI).

Отсюда известное письмо св. Василия Великого, — где он советует христианам общины, епископы которой уклонились в ересь, принять их, если они покаются, — получает характер документа, решающего поставленный в заглавии вопрос более, чем убедительно.

Спросим себя теперь: если бы «волк» снова вернулся к истине и покаянию, разве жители Срема не приняли бы своего епископа с воплями и криками радости? А раз так, то не мог ли православный народ признать покаявшегося митрополита Амвросия?

Конечно, мог. Да ведь, кроме мирян, здесь были священники, которые и в господствующей церкви принимают еретиков.

— Но он был епископ, вы снова забыли.

— Нет, он не был епископ, или, вернее, о епископстве его временно нужно забыть и ему, и принимающим его. Да, в нем почивал дар епископства, в нем жила сила хиротонии. Но к Церкви, в лице Амвросия и вообще в лице епископов-еретиков, приходили просто *кающиеся*, ищущие спасения, просто«люди» погибающие и очнувшиеся.

А епископом он стал не силой человеческой и не властью епископскою, а властью Божией, которая дала ему благодать епископства и в момент соединения души с Церковью естественно и необходимо разрешила ему пользоваться даром благодати *на строение Церкви*.

— И снова скажем вам, — прерывает миссионер или «православный». — Вы говорите о кающихся, обращающихся, а митрополит Амвросий ни в чем не каялся и ни к чему не обращался...

Об этом мы поговорим в следующий раз. Сейчас только скажем, что лучше бы «православным» не повторять своей клеветы на Амвросия; от нее дышит таким циническим неуважением к собственным епископам, что синоду следовало бы запретить и упоминать о 500 червонцах Амвросия особым циркуляром.

Но до следующей статьи.

— Амвросий перешел к вам не по убеждению, а за деньги и, как таковой, подлежит извержению и даже отлучению по 29-му правилу свв. апостол и 2-му правилу IV-го вселенского собора.

Считая весьма существенным в вопросе о присоединении епископа моральную сторону дела, мы признаем весьма серьезным «по замыслу» это обвинение, но доказательства, на которых оно строится, настолько наивно-бесстыдны, что почти стыдно их опровергать.

Прежде всего с формальной стороны. Аргументы представляют вовсе *не тонкую* передержку.

Правила гласят:

29-ое святых апостол: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, деньгами сие достоинство получит: да будет извержен и он и поставивший, и от общения совсем да отсечется, яко Симон волхв мною Петром» (Прав. свв. апостол, полный перевод). 2-ое правило IV вселенского собора определяет: «Аще который епископ за деньги рукоположение учинит и непродаваемую благодать обратит в продажу, и за деньги поставит епископа или хореепископа, или пресвитера, или диакона, да будет подвержен лишению собственной степени: и поставленный или отнюдь да не пользуется купленным рукоположением, или производством: но да будет чужд достоинства или должности, которые получил за деньги!»

Очевидно, относить их, по буквальному их содержанию, к митрополиту Амвросию совершенно не возможно.

Кто его ставил за деньги? Кого поставил за деньги он?

— Кирилла.

Но кто же из миссионеров может сказать, что он стал епископом по своей прихоти и воле за деньги, а не по желанию и избранию и воле своей паствы?

Если бы даже митрополит Амвросий действительно рукоположил Кирилла, получив за это деньги, уплаченные паствой Кирилла, чего, однако, никто и никогда утверждать не смел, то и тогда рукоположение в архиерейство самого Кирилла было бы *незаконным*. Ведь ясно было бы, что Кирилл-то все-таки благодати не покупал, а получил ее волею народа, паствы, т.е. волею Божией, и тень вины лежала бы на одном Амвросии.

Объяснюсь простым примером из практики снодской церкви прошлого или XVIII века. Возьму для примера, точнее — из дела епископа Кирилла Орловского в конце XVIII в. («Обер-прокуроры», Благовидов, с.217-252).

«Я имею право быть священником в селе А. И село (приход) меня желает: есть даже об этом «приговор» прихода, но секретарь консистории желает, чтобы к приговору было прибавлено *«золото»*. Говорят, что секретарь делится и с владыкой...

Приход платит».

Я полагаю, что в этом случае священника трудно упрекнуть в симонии?

Или можно? Конечно, «православным» знать лучше. О купле и продаже приходов так много писано в деяниях, например, епископов Смарагда и Иустина.

Но вот еще. Мы знаем, что при поставлении первого патриарха Иова, он обязался выплачивать патриарху Иеремии по 500 червонцев в год.

Есть здесь симония?

— Едва ли, — опять скажут на это «православные», хотя, может быть, здесь и найдут некоторую неблаговидность со стороны Иеремии.

— Однако вы допускаете, значит, некоторую неблаговидность со стороны и Амвросия? — могут сказать мне.

Избави, Боже! Нет, я думаю, скорее, что и со стороны Иеремии ее не было. С поставлением Иова не вполне прекратились дочерние отношения русской церкви к греческой, а время Иеремии было таково, что поддержать существование великой Церкви было трудно без поддержки русских.

Что же касается Амвросия, то его положение было бы параллельно (похоже) положению Иеремии, если бы он поставил Кирилла и других, оставаясь на какой-нибудь греческой кафедре, например, Босносараевской.

Такое положение дела невозможно по существу, но мы допускаем его условно.

И тогда 500 червонцев, даваемые на нужды его и его паствы-церкви, — не были бы зазорны. Это была бы милость церкви-сестре. Но он ведь не остался в составе греческой иерархии, а перешел к старообрядческой Церкви, следовательно, с этого времени его содержание лежит на новой пастве.

Какое содержание? Сколько? 5 рублей в месяц? 50? 500 червонцев в год? Едва ли это имеет значение. Нужно помнить, что у епископа-христианина его деньги есть деньги «нищих».

В книге Петрищева «На пути к синоду», освобожденной недавно от конфискации, указано, например, что митрополиты петербургский, московский, киевский, архиепископ новгородский получают от 150 до 300 тыс. в год.

И этими деньгами могут даже распоряжаться по завещанию.

Подлежат ли они действию правил о симонии?

Полагаем, что если да, то не за факт большого содержания, взятый сам по себе.

А митрополит Амвросий? Много ли получал он?

В «Летописи церковных событий» (лето 582) указано жалованье св. Феодора Сикеота — червонец в день. Это около 2000 руб. в год, т.е. 600 таких червонцев, какие получал митрополит Амвросий.

Если бы мы хотели обвинять, то, конечно, нам было бы легче это сделать, чем «православным».

Может быть, не трудно было бы отыскать сведения о том, какой суммой оплачены некоторые кафедры.

Мы не хотим никого обвинять и называть этих имен не будем, но, полагаем, смеем сослаться на ваш журнал «Православный путеводитель». Он рекомендует не трогать 500 червонцев Амвросия, потому что, дескать, в ответ могут указать, сколько получают наши священники и архиереи. Даже назвать *суммы*. Конечно, журнал не ошибается: справочки этого рода возможны.

Однако, возразят нам, беда не в том, что Амвросий взял деньги, а в том, что он получение их обусловил контрактом, письменным договором. А это, дескать, недостойно епископа.

Здесь нам напоминают, следовательно, о так называемых секретных условиях митрополита Амвросия с иноком Павлом.

Опять допустим на минуту, что эти условия были и в самом деле, а не выдуманы ловким лжецом. Пусть правда, что митрополит Амвросий в особом документе выговорил ту сумму, которую обязаны выплачивать на содержание его дома.

Что же тогда? Полагаем, *ничего*.

Мы видели, что 500 червонцев патриарху Иеремии тоже были вписаны в условие (Архив. Калачова 2, ч. I, с. 26).

В то же время в регламенте предписывается «в приговоре о священнике писать именно написанную ругу и землю за рукою ставленника, что он хочет быть доволен руги оныя или земли».

Следовательно, в православной церкви письменный договор пастыря с паствой вводится как «правило» такой канонической книгой, как регламент.

Хорошо ли это? Думаем, что дурно, но тем неприличнее государственной церкви выискивать «сучки».

Итак, мы на время допустили, что договор существовал. Но в действительности, конечно, его не было.

Во всяком случае, непозволительно историкам ссылаться на копию документа, которого не видел в архиве Белой Криницы обокравший архив и перешедший в синодальную церковь архидиакон Филарет.

Филарет, и который (документ) будто бы разорвал на клочки в Формосе (в Румынии) инок Онуфрий.

В истории не пользуются авторитетом списки, снятые неизвестно кем и когда с документов, которые, по слухам, когда-то кто-то видел на Сандвичевых островах.

«Все, что вы говорите, не поправляет дела... — скажут мне снова. — Можете ли вы сказать, что Амвросий действительно предпочитал ваше исповедание греческой церкви, считал вас единственно православной Церковью?»

Увы, «opus probandi» — обязанность доказывать — здесь лежит не на старообрядцах. Большую смелость берут на себя «православные», стараясь проникнуть в душу и тайные мысли человека, который 45 лет уже как «почил о Господе».

И доказывать, что «думал» Амвросий, должны они. Мы не станем приводить им длинных выдержек из документов.

Всем известен, например, его официальный ответ австрийскому правительству, где он пишет, что перешел к старообрядцам потому, что увидел здесь в своей «первой чистоте и точности» истинное православие, пришел «ради моего спасения и спокойствия, не по нужде, не ради какой страсти, но по чистой своей совести».

Или рассказ Нила о той радости, с какой митрополит принял от Павла и Алимпия запасные дары.

Что можно противопоставить этим точным сведениям?

Рассказы Филарета, перешедшего в государственную церковь и клеветавшего на Амвросия?

Но это тот Филарет, который, по собственным словам, держался того же принципа, как его соименник Филарет московский: «содержать истину в неправде», т.е. сознательно лгать, если это нужно для его целей.

Тот Филарет, который, *по собственному его рассказу*, рекомендовал и будто бы устраивал подлоги для старообрядчества.

Тот Филарет, наконец, который, в своем собрании документов, частью украденных в Белой Кринице, поместил такие подложные документы вроде письма сына Амвросия, подписанного Г.А., что даже Субботин, не чуждый тоже склонности к иезуитскому принципу утверждать правду неправдой, оговаривается, что это — подлог.

«Вторая часть письма Георгия, равно и инициалы, — говорит он, — писана неизвестно кем» (Переп. раск. деят., ч. I, с. 237).

Да и что говорит Филарет?

Что Амвросий спорил против сугубой аллилуии, что трапезу благословлял имясловно.

Говорит об этом один Филарет, и, если бы даже ему можно было верить, его слова ничего не доказывают.

Митрополит Амвросий оставил греческую церковь, конечно, не потому только, что признал сугубую аллилуию истиннее трегубой.

Допустим, что в области частных обрядов у него оставались колебания, может быть, он иногда и спорил об аллилуии, как спорили во времена св. Евфросина. Суть не в этом. Он сделал свой шаг, потому что признал преступным суд русской и греческой церкви над истинно православным старообрядческим народом — суд, проклявший святой обряд и верный Господу народ; потому что видел ложь, «*премногия порочные дела греческой церкви*», а, по его собственным словам, здесь, в старообрядчестве, увидел целость того ядра церковного бытия, той сути Церкви, которая повреждена в греческой и русской церквях.

Отсюда в акте его соединения с Церковью выразилось более суровое осуждение и более глубокое слияние с Церковью старообрядческой, чем простое признание правильным старого обряда.

Он принял не обряд только, а всю психологию, весь строй нашей Церкви, чуждый именно тех «порочных дел», которые изгнали Духа Святого у греков и русских и между которыми немалое место занимала, кстати, и симония.

Потому он и предпочел ссылку возврату к греческому патриарху, хотя, если бы он был таким торгашом, каким представляют его (очевидно, меряя на какой-то свой *аршин*) миссионеры, он даже через посредство русских мог бы получить себе *греческую епархию*.

На нас все обвинения синодской иерархии, вроде тех, о каких мы говорили сейчас, производят впечатление паразитической нечистоплотности и вместе высокомерия.

Когда какой-нибудь человек говорит о другом без доказательств убедительных и ясных: «наверное, этот человек себя продал; наверное, это только лицемер», — естественно напрашивается вопрос: но почему он так думает?

И вывод один: или сам человек не знает других мотивов для своей деятельности, кроме «червонцев», и со спокойным лицом может лгать по нужде или без нужды, или вокруг него такие люди, что заставляют не верить ни в искренность, ни в бескорыстность даже святителей.

Но для чего же давать людям лишний повод вспоминать печальные страницы истории современного «православного» епископства?

Клевета на других не погасит рассказов о тех «ценах», о каких вспоминает «*Православный путеводитель*», — ценах за епископию. И «*Путеводитель*» прав: синоду нужно циркулярно запретить миссионерам говорить о мнимом подкупе митрополита Амвросия.

* * *

— Вы приняли митрополита? Нет, по смыслу правил святых отец, вы приняли мирянина, Амвросий и все священники, каких вы принимали до него, приняты вами через миропомазание. Но если так, то они уже миряне...

Такое возражение особенно часто предлагается старообрядцам, и, нужно отдать справедливость миссионерам, они здесь не стыдятся заведомо лживо толковать каноны совершенно обратно тому, как понимают они их у себя дома и как толкуют в своих школах.

Вот кусок миссионерской брошюры, присланной мне случайно старообрядцами Полотняного завода.

В 68-м правиле святых апостол, на листе 19-м книги «Кормчей», говорится: «Аще который епископ или пресвитер, или диакон второе поставление приемлет от кого, первого возненавидев, да извержется сам и поставивый его, еще токмо не прилучится, яко от еретиков поставлен бе первее; ибо от тех крещении не крещени и поставлении не причетницы». А так как принятые вами попы и митрополит Амвросий имели на себе еретическое рукоположение, то они должны были вновь рукополагаться истинными епископами, как повелевается в 37-й главе той же книги «Кормчей», на листе 293-м: «приходящих от ереси к соборной Церкви поставлять снова в сан, в нем же быша», то есть в тот, в каком они пребывали у еретиков: «или пресвитеры, или диаконы, или ино что». Но они, вопреки указанным правилам, оставались у вас с прежним еретическим поставлением, потому, разумеется, что у вас некому было рукополагать их. А между тем это было необходимо совершить над ними, так как известно, что вы принимали приходящих к вам попов и митрополита Амвросия через помазание миром, хотя непосвященным; потому что по словам блаженного Симеона Фессалонитского (в его книге, в главе 77-й) «миро без епископа быти не может». После чего они делались у вас простыми мирскими людьми, как это явствует из 37-й главы книги «Кормчей», на листе 293-м.

Отрывок характерный по лживости аргументации.

Представьте: приводится 68-е правило святых апостол, которое действительно требует повторения хиротонии, но кого, каких еретиков?

Тех, у кого «крещенни не крещени», от кого не принимается даже и крещение. Но ведь «православные» не станут, конечно, повторять уже отжившую нелепую сказку об обливанстве греков: я жил на Востоке два раза по полугоду и знаю, насколько лжива эта выдумка.

Значит, зачем же «православные» приводят совершенно не подходящее 68-е правило? Только для того, чтобы умножить число ссылок?

Но это нечестно по отношению к простецам, которые не могут разобраться в обмане.

Точно так же нечестна ссылка на л. 293-й «Кормчей».

Сами «православные» понимают это место не в смысле второй хиротонии, а в смысле восстановления в тех санах, в каких присоединялись еретики.

Не хиротонию их восстанавливают, но утверждают в их должностях, дают приходы, епископии и т.д., может быть, через обряд хиротонии — «руководзложения», но не повторением таинства.

«Православные» ученые писали не раз, что даже слово «хиротония» означает по первоначальному смыслу не таинство священства, а акт избрания на должность *поднятием рук народом*.

И вот именно такое восстановление еретических священников православными приходами имеет в виду 37-я глава «Кормчей».

Понимая текст так, миссионеры, заведомо обманывают неведающих, подсовывают в беседе беспоповщинское толкование, ложность которого сами хорошо понимают.

Опять, значит, на «лжи утверждается правда».

Не лучше ли было бы им указать хотя бы на догматическое богословие Макария, которое служит учебником во всех их духовных школах!

Там написано следующее: «Вообще церковь *постоянно* держалась правила: ни в коем случае не повторять рукоположения, равно как и крещения, если только и то и другое совершены правильно, хотя бы в обществах неправославных».

Рукоположение не повторяемо.

И это, конечно, бесспорно ввиду 1-го правила св. Василия Великого или 8-го правила Первого Вселенского собора.

Прочту это определение. На VII вселенском соборе святые отцы решали вопрос, следует ли принимать приходящих от иконоборческой ереси епископов в их санах. И для этого было прочитано Никейского собора правило восьмое: «Касательно присоединяющихся к (общей и) кафолической и апостольской Церкви из тех, которые иногда называют себя чистыми, святой и великий собор присудил, чтобы получившие у них рукоположение оставались в клире, как были. Но прежде всего они должны письменно удостоверить, что присоединяться и будут последовать определениям кафолической и апостольской Церкви, то есть будут иметь общение и с двоеженцами и с падшими во время гонения, для чего и время установлено, и срок назначен. Вообще, они во всем должны последовать постановлениям кафолической (и апостольской) Церкви. Итак, если в каких-либо селениях или городах все(клирики) окажутся постановленными из них одних (чистых), то все оказавшиеся в клире пусть останутся в тех же званиях».

Феодор, почтеннейший епископ катанский, что в провинции сицилийской, сказал: «Прочитанное правило не имеет никакого отношения к этой (иконаборческой) ереси».

Святейший патриарх Тарасий (председатель собора) сказал: «Но оно относится ко всякой ереси» (Деян. вселен. соб., т. VII, с. 92, Изд. 1873 г.).

Говорят, будто вся суть в том, что Амвросий принят через миропомазание, а раз миропомазан, значит, уже не епископ.

Странное здесь представление о миропомазании!

Конечно, целый ряд данных указывает, что еретики 2-го чина по миропомазанию признаются в своих санах, как Зоин и Саторнин (1-е правило св. Василия Великого).

Принимаются на свои кафедры, «точию миром помазуются».

Но кроме этого приведем чисто человеческое рассуждение.

Почему повторяется хиротония над тем, кто перекрещивается? Потому, что он жил и крещен в обществе, совершенно повредившем веру в Св. Троицу.

Теперь мы берем еретиков 2-го чина, хотя бы новациан. По взгляду Церкви, священник этой ереси, присоединяясь, остается священником.

Допустите, что приняты одновременно в двух местах два епископа: одного миропомазали, другого по усиленной снисходительности или опущению приняли через осуждение ереси.

Неужели вы полагаете, что во втором случае епископ сохраняет хиротонию, а в первом теряет ее?

Отчего же? Значит, таинство миропомазания стерло священство, *убило дух святой в епископе?*

Но это нелепо.

Однако, скажут нам, нельзя, например, повторить крещение и оставить в том же сане. Конечно, но мы сказали почему. Потому что повторение крещения и возможно только по отношению к еретическим обществам, где повреждено все содержание веры.

Прибавим, что защищать правильность приема митрополита Амвросия против государственной церкви нет нужды, потому что сама грекороссийская церковь практиковала такой чинопоем.

В журнале *«Православное Обозрение»* (август 1863 г.) в статье «Воссоединение униатов в Сирии и Египте» рассказано о том, как были приняты униатские презвитеры о. Иван Хабиб и о. Гавриил Жибара в 1860 г.

«Восточные патриархи и синод признали их священство без повторения рукоположения; и после того как эти презвитеры были в знак соединения с церковью миропомазаны, они непосредственно совершали литургию с константинопольским патриархом Иоакимом». «Православный» журнал даже два раза повторяет, что они были только торжественно миропомазаны, но рукоположение не повторялось.

И после такого факта смеют говорить о том, что принятые через миропомазание становятся мирянами!

— Однако, где же у вас миро? Его не было у вас, так как миро освящает епископ, а древнее миро не могло быть неисчерпаемым, как масло сунамитянки, о которой рассказывается в истории пророка Елисея. Никифор астраханский «математически доказал», что если при начале разделения у старообрядцев было около фунта мира, то к XIX столетию его, конечно, не осталось ни капли.

Здесь опять только лишнее доказательство того математически-атеистического воззрения на таинства и Церковь, какое живет в государственной церкви.

В этой фразе Е. Антонова — «математически доказал» — какой-то цинизм арифметического понимания Церкви.

«Древнего мира не было, не сохранилось...»

Почему?

Его будто бы разбавляли до того, что мира не осталось и запаха.

Что это — кощунство или голый материализм? Разве благодать меряется количественно, математически? Разве капля святого мира не делает сплошь освященным весь елей, с которым она соединяется?

Священникам позволяется в случае нужды, «аще скудость будет мира» разводить миро елеем (Матфей Правильник, состава «от»; пр. 15 священнейшего Иоанна Китрожского; Потребник, Чин освящения церкви, л. 32, на об.).

Ведь не могло это разбавленное миро стать «маслом» все до последней капли.

Нелепо было бы, однако, говорить, что здесь мира больше, чем елей, что миро смешивается с елеем и т.д.? Если ставить дело так материалистически, елей, обязательно более легкий, чем миро, вовсе не смешивается, а будет сверху.

Этот елей, не смешавшийся по законам физики, уже не масло, а святейшее миро, потому что только кощунственное воображение миссионера могло выдумать, что освящение

примешиваемого к миру еляя происходит *не по силе все проникающей и бесконечной благодати, а по материалистическим закона физического смешения.*

Древнее миро не могло иссякнуть.

Нам скажут: но тогда для чего же установлено ежегодное освящение мира, когда Церкви достаточно дать его раз и навсегда, когда оно не иссякнет?

Оно установлено, как одна из форм постоянной связи и единства священства с высшей властью в Церкви.

Как вполне естественное желание подчеркнуть, что в порядке жизни Церкви все идет к священнику *от епископа или, точнее, высшей власти.*

Установлено по тем же причинам, наконец, по каким в государственной церкви миро не освящается отдельными епископами, а собранием епископов, как действие, символизирующее «целостность церкви».

И конечно, при нормальных условиях жизни Церкви было бы странно, если бы священник жил только *старым миром*. Но он должен как можно чаще подкрепляться в своей деятельности благословением епископа, и одна из форм этого благословения — освящение мира.

Но если бы попущением Божиим епископство было временно отнято, священники могли и должны были считать неисчерпаемым источник *древнего мира*.

Им-то, наоборот, нужно было всячески хранить ту связь с древней Церковью, которую теперь поддерживают примесью старого мира к новому. И они ее хранили и сохранили, донеся до нас, несомненно древнее миро, безразлично сохранились или нет в этом мире материалистические частицы древнего мира, чего так хочется материалистам господствующей Церкви.

Я пока окончил свои статьи; по многим остальным вопросам (да даже и по тем, по которым я говорю в двух последних статьях) сказано все и раньше меня, и лучше, чем могу я сказать.